

Барыкина А. В.

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ В "ЭРОТИДЕ" А. ВЕЛЬТМАНА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/6.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 25-27. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

У А.Н.Грузинцева образ Эдипа свободен от всякой сентиментальности, что связано с тяготением драматурга к сильному драматизму, к изображению мужественных характеров, столь отличных от элегически чувственных персонажей В.А.Озерова. Это - трагический образ героя, участь которого внушает ужас и сострадание.

В трагедии А.Н.Грузинцева, как и у Софокла, Иокаста является также главной героиней наряду с Эдипом. Рок карает её преступление: она попыталась опередить события, узнать судьбу сына, но тем самым, словно Пандора, выпустила все напасти в свою жизнь и в жизнь сына. Услышав страшное предсказание (сын сразит отца и к матери взойдёт на ложе), Иокаста повелела умертвить ребёнка. У Софокла избежать зловещих предсказаний пытается Лаий, у А.Н.Грузинцева это преступление лежит на Иокасте, которую и настигает кара за «роковую» ошибку: узнав судьбу, она хочет уклониться от предначертанного.

С момента предвещения оракула фатальные случайности начинают стягиваться в одну точку и обрушивать свои удары на Эдипа. Он поражён удивительным совпадением истории жизни Иокасты с его собственной судьбой. Уцелевший свидетель убийства Лая - старец Тирезиас - узнаёт в нём убийцу. Наставник и друг Икар сообщает о смерти Полиба, которого Эдип считал своим отцом, о том, что Эдип - приёмный ребёнок, и трон уже занят законными наследниками. Как следствие, раскрывается тайна рождения и преступления, которую «скрывало небо тьмою». Появление каждого нового лица в трагедии разворачивает действие как запутанный клубок. Всё подчинено одной идее - разоблачению преступления и наказанию за него. Каждый герой - очередное наступление рока.

В трагедиях Софокла, В.Т.Нарежного, В.А.Озерова достаточно подробно разработана общественно-политическая линия: прописаны образы добродетельного правителя и тирана. У А.Н.Грузинцева эта тема сформулирована согласно взглядам классицизма: преступный человек не может быть достойным правителем. Эдип, будучи добродетельным правителем, узнав о своём преступлении, сам отказывается от венца: «Я ужаснее, чем Тартара тираны» [Стихотворная трагедия 1964: 557].

Те душевные терзания, которые испытывает Эдип, подобны, по Платону, многократной смертной казни, которой заслуживает родителеубийца. Кровавая тень отца и мстительные фурии - помощники карающего рока - уже приблизились к своей жертве. В кровосмесительстве древние видели нарушение тайн крови. Кровь, которая несёт в себе тайны человека, не может видеть солнца - она свёртывается и чернеет, будучи пролита. Так и Эдип, познавший тайны крови, не имеет права видеть солнца - он выкалывает себе глаза.

Но это не последние удары фатума, которые предначертаны «чадам кадмейским». «Слепой» Эдип «предрекает» возмездие, грозящее его детям: «Полиник, Эфеокл, Антигона и Исмена / Вам рок судил страдать и дни вести безбрачны. / Быть может, гнев богов в последующее время, / Постигнувший отца, прострётся и на племя!» [Стихотворная трагедия 1964: 564]

Философский смысл трагедии выражает в последней сцене первосвященник: «И царь, и раб одной подвержены судьбине. / Из общих жизни зол никто не исключён, / И подданный, и царь страдать на свет рождён» [Стихотворная трагедия 1964: 565]. Но хотя драма «Эдип-царь» полна мрачных, кровавых событий, А.Н.Грузинцев, следуя законам классицизма, оставляет в конце трагедии «надежды луч»: «Утешьтесь, человеки, / По бурям боги нам пошлют златые веки!» [Стихотворная трагедия 1964: 565]

«Грех» в трагедии А.Н.Грузинцева понимается не просто как обыденное нарушение заповедей, но проступок чрезвычайный, затрагивающий самые основы человеческого общежития (отцеубийство и кровосмешение). Толчком к перевороту в душе героя становится внезапное осознание им своего исключительного нравственного падения. Чрезвычайность прегрешения требует столь же невероятных форм покаяния (ослепление).

На наш взгляд, внимание к «эдипову сюжету» в отечественной литературе объясняется не только интересом к драматической судьбе человека; значимой оказывалась сама поставленная в повестях о кровосмесителе проблема греха, раскаяния и милосердия, актуальность которой для русского менталитета очевидна.

Список использованной литературы

1. **Аристотель.** Поэтика. Риторика. Вступительная статья и комментарии С. Ю. Трохачёва. Перевод с греческого В. Аппельрота, Н.Платоновой. СПб.: «Азбука», 2000.- 352 с.
2. **«Вечные» сюжеты русской литературы:** «Блудный сын» и другие: Сборник научных трудов. / Институт филологии СО РАН; Отв. ред. Е.К.Ромодановская, В. И. Тюпа. - Новосибирск, 1996. - 180 с.
3. **Пропп, В.Я.** Собрание трудов: Фольклор. Литература. История. М., 2002.
4. **Стихотворная трагедия конца XVIII века - начала XIX века** / Вступительная статья, подготовка текста и примечания В.А.Бочкарёва. М.,-Л.: «Советский писатель», 1964.- 630 с. - (Библиотека поэта. Большая серия).

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ В «ЭРОТИДЕ» А. ВЕЛЬТМАНА

Барыкина А. В.

Волгоградский государственный педагогический университет

А. Пушкин и А. Вельтман были современниками, и, безусловно, открытия Пушкина не могли пройти мимо Вельтмана. Докажем это, рассмотрев новеллу «Эротиды» А. Вельтмана и ряд произведений А. Пушкина.

Так, главная Героиня «Эротиды» воспитывается отцом-вдовцом, и этот факт заставляет припомнить «Барышню-крестьянку», «Станционного смотрителя» и повесть «Дубровский» Пушкина, где героини также рано лишились матерей и живут с отцами, которые души не чают в своих дочерях.

Отец Эротиды, безусловно, имеет черты, сближающие его со старшим Берестовым («Барышня-Крестьянка»). Он, как и отец Берестова, о котором замечено: «Ненависть к нововведениям была отличительной чертой его характера» [Пушкин 1987: 86], не признает ничего нового. Об отце Эротиды читаем: «Бригадир Хойхоров ... был из числа тех людей, которые хвалят только свое прошедшее, любят старые привычки, как старое вино, не видят добра в будущем и думают, что все окружающее теряет свою силу, свою красоту, портится, клонится к разрушению» [Вельтман 1979: 23]. «Теперь все коротко: и платье, и ум, и жизнь людей», - сокрушается он.

Консервативность взглядов бригадира Хойхорова проявилась и в отказе перестраивать свой старый дом, все стены которого держались только подставами: «Теперь архитекторы, упаси боже, построят дом, ни приюту, ни тепла, да еще того и гляди провалится, задавит»; и в признании величия только за людьми прошлого поколения: «Где теперь такие люди, которые бывали в наше время? - Румянцев, Потемкин, Орлов, Суворов, Шереметьев... Истинные вельможи славою, честью и богатством!» [Вельтман 1979: 23].

Старый служака екатерининского времени, он сам воспитывает свою дочь, но воспитывает по-своему, обучая ее верховой езде и воинскому артикулу. «Не поручу, - говаривал он еще жене своей, не поручу ее ни мадаме, ни мусье» [Вельтман 1979: 24]. Но одновременно он отваживает от своего дома молодежь, то есть сверстников Эротиды, и круг общения девушки ограничивается «живыми преданиями глубокой старины». Эротиды вследствие такого воспитания очень простодушна и наивна, но характер ее в то же время самобытен. «Сердце ее было свободно, душа чиста, ее небо ясно, поле жизни усеяно цветами, а в характере Эротиды было что-то неробкое, решительное, несмотря на то, что воспитание отцовское готовило ее в драгунскую службу, бог весть, где переняла она все женское, все милое, привлекательное», - довершает автор портрет Эротиды [Вельтман 1979: 26].

Вместе с тем, описывая внешность своей героини, А. Вельтман изображает традиционный в сентименталистской литературе облик темноглазой статной красавицы: «Глаза Эротиды были чернее всего на свете, а ресницы подобны тем, которые Фирдеуси сравнил с копьём Кива в башне Пешена; ее волосы, распущенные локонами до плеч, были самого лучшего каштанового цвета, любимого всеми веками, исключая то время, когда была мода на рыжих да красных. Стан ее был величествен, перехват тонок, грудь пышна, шея бела, румянец пылок. И вся она была ангел...» [Вельтман 1979: 26].

Несомненно, Эротиду можно отнести к тем уездным барышням, которых описывал Пушкин в «Барышне-крестьянке»: «Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувство и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам... Конечно, всякому вольно смеяться над некоторыми их странностями, но шутки поверженного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: особенность характера, самобытность... В столицах женщины получают, может быть, лучшее образование; но навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы» [Пушкин 1987: 87].

К молодой и красивой девушке сватаются женихи, но они не нравятся ее отцу, и автор с юмором описывает, как бригадир дает им отставку.

Избранником сердца Эротиды становится военный поручик Г...ь, «прекрасный собой молодой человек, отчаянная голова...», но без всякого состояния. Портрет и черты характера героя, очевидно, перекликаются с Владимиром из «Метели» Пушкина, о котором автор замечает: «Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне» [Пушкин 1987: 59]. В новелле «Станционный смотритель» молодой человек, увезший Дуню, также военный: «Сняв мокрую, косматую шапку, отплатив шаль и сдернув шинель, приезжий явился молодым стройным гусаром с черными усиками» [Пушкин 1987: 79]. Нужно заметить, что и поручик Г...ь, и гусар из новеллы Пушкина «Станционный смотритель» являлись опытными притворщиками и соблазнителями.

В «Барышне-крестьянке» и в «Эротиде», несомненно, важную роль играет эпизод с лошадью, понесшей седока, так как после него кардинально меняется ситуация - у девушки происходит объяснение с поручиком Г...ь, а в новелле Пушкина - примирение враждующих семей. У Пушкина в «Барышне-крестьянке» читаем: «Лошадь Муромского, не бывавшая никогда на охоте, испугалась и понесла» [Пушкин 1987: 94]. А вот в «Эротиде»: «...лошадка ее закрутилась, взвилась, кинулась вперед стрелой, помчалась во весь опор, тщетны усилия Эротиды удержать ее» [Вельтман 1979: 33].

Героини новелл влюблены, но на пути к их браку стоят преграды. У Пушкина в «Метели» Маша задумывает побег с Владимиром, а Дуня в «Станционном смотрителе» уезжает с гусаром. Эротиды же, зная, что отец никогда не даст согласия на ее брак с поручиком, как и Маша из «Дубровского», покоряется воле отца. Разыскивать возлюбленного она начинает только после смерти родителя.

Вслед за Пушкиным Вельтман вносит в новеллу и элемент недосказанности. Напомним, что герои «Метели» едут в церковь с намерением обвенчаться, но неожиданно начинается метель. Временной промежуток между этими событиями и объяснением прозошедшего растягивается на несколько лет.

Объяснение в «Эротиде», происходившее между молодыми людьми во время послеобеденного отдыха отца, тоже остается «за кадром», а события затем прерываются на три года.

Кроме этого, и в «Эротиде», и в «Метели» начало событий датируется 1911 годом, а развязка у Пушкина происходит в то время, когда «...война была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами...» [Пушкин 1987: 65]. Действие в новелле Вельтмана заканчивается также после ряда военных побед, когда «в Париже целая Европа праздновала низвержение маленького Капрала с плеч своих», и «большая часть русских офицеров - раненых, больных и расстроивших свое здоровье, были уволены в отпуск, на воды, на все четыре стороны» [Вельтман 1979: 34].

Нужно отметить еще один момент. Эротиды, как и пушкинская Лиза в новелле «Барышня-крестьянка», переодевается с целью не быть узнанной. Однако мотив маскарада, переодевания, носит у Пушкина игровой, водевильный характер. В новелле Вельтмана он приобретает трагическое звучание.

Во второй части вельтмановской новеллы, как и в некоторых произведениях Пушкина, много места уделено карточной игре.

В «Эротиде» в карты играют поручик и ротмистр. Противники играют дважды, и дважды моделируется ситуация поединка, которая повторится затем в настоящей дуэли с трагическим исходом. Герои играют в банк, или штосс (интересно, что и в «Пиковой даме» Пушкина герои также играют в штосс), наиболее распространенную игру в XIX веке, в которой большую роль играл случай.

Известно, что в самой природе карт заложено двоемирие: они «простые знаки, «ходы» в игре и имеют смысл в гадательной системе» [Лотман 1994:138]. Этот второй символический план их значений проникает в первый, и тогда случайное выпадание карт превращается в некий текст, автором которого является Судьба. В карточной игре виделся поединок с судьбой. Германн в «Пиковой даме» Пушкина вступает в этот поединок. Вступает в него и отчаявшаяся Эротиды.

Несомненной отсылкой к тексту А. С. Пушкина выступает у Вельтмана фраза «Дама убита». Мотив игры, являющийся одним из основных в «Пиковой даме» Пушкина, находит свое воплощение в «Эротиде»: «Дама убита! - вскрикивают все понтеры в один голос» [Вельтман 1979: 38]. Слово «убит» здесь двусмысленно. Оно означает проигрыш в карты и проигрыш судьбе - Эротиду убивают на дуэли. Отметим, что дуэль играет определенную роль в развитии сюжета, поскольку приводит к трагической развязке, то есть к смерти Эротиды.

Таким образом, можно сказать, что Эротиды ведет тройную игру: дважды меняет облик, пытается переиграть поручика в его планах и играет с ним, а вместе с тем и с Судьбой, в карты.

Итак, анализ новеллы показал, что в произведении Вельтмана широко представлены пушкинские мотивы. Вместе с тем можно говорить не о подражательности и вторичности «Эротиды», а об оригинальном и самостоятельном произведении, которое органично усвоило опыт великого современника.

Список использованной литературы

1. Вельтман А. Ф. Повести и рассказы. М., 1979.
2. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
3. Пушкин А. С. Сочинения: В 3 т. М., 1987. Т. 3.

ДИСКУССИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Безенкова Т. А.

Магнитогорский государственный университет

Проблема развития культуры речи стоит в одном ряду с фундаментальными проблемами педагогики. Сегодня образование ориентируется на утверждение личностного начала в человеке. Педагогическую деятельность, направленную на самые разные категории обучаемых, объединяет понимание того, что пришло время воспитывать личность, умеющую говорить, думать и поступать в соответствии со своими убеждениями. Гармоничное соответствие мысли и слова, речи и речевого поступка представляется актуальной образовательной задачей. Понимание того, что язык является одним из главных инструментов развития личности, приводит к поиску эффективных подходов в преподавании.

Одним из эффективных методов развития культуры речи студентов является дискуссия.

По мнению исследователей Ю.Б. Алешкиной, Ю.Н. Емельянова, В.С. Лагуна, М.В. Коротковой, М.В. Кларина, Л.А. Петровской, Л.Г. Павловой, в процессе дискуссии наиболее полно представлена возможность: -моделировать реальные жизненные проблемы, в том числе и особенно сложные, когда коллективное мышление становится основой большинства решений;

- вырабатывать умение слушать и взаимодействовать с другими;
- приобретать такие умения, как умение отстаивать собственные взгляды;
- научиться говорить логично, убедительно, эмоционально, выразительно.

Исследователь В.И. Кузнецов, ссылаясь на А.П. Огурцова, отмечает, что самой ранней формой дискуссии был диалог в античной науке, почти всецело подчиненный дидактическим целям. «Античное обучение - это цепь живых актов устного общения между учителем и учеником. Диалог между ними считался истоком